

*Злата
Зорич*

Развод в 45

**ПЕРВАЯ ПРИЧИНА -
ЭТО ТЫ**

Злата Зорич

Развод в 45. Первая причина — это ты

<https://litres.ru/74204569>

Аннотация

— Дорогая, это... это не то, что ты подумала!

А что тут можно ещё подумать? Я вижу его руки, обнимающие её талию. Её юбку, задранную до неприличия. След от помады на его шее. Его незастегнутый ремень.

В сорок пять я думала, что моя жизнь — это спокойная семейная бухта. Да, без страстей и без бурь, но надёжная.

А потом застучала мужа в объятиях учительницы нашей дочери. На выпускном. Прямо в нашей машине. Тогда-то до меня и дошло, что наш брак уже давно превратился в фикцию. Последние несколько лет мы с мужем жили «ради ребёнка» и стали совершенно друг другу чужими. Не страсть — а привычка. Не любовь — а пустота. В отношениях наступила осень. Холодная, серая, унылая.

А мне вдруг так отчаянно захотелось весны!

Я не обязана жить в вечной осени. Я твёрдо знаю, что развод — это совсем не конец. Это начало моей новой жизни. Жизни, где я выбираю себя. Где дышу полной грудью. Где перестаю существовать — и наконец-то начинаю жить!

Это история о весне, которая приходит не только когда тебе
восемнадцать — но иногда и в сорок пять!

Содержание

Аннотация	5
Глава 1	6
Визуалы героев	11
Глава 2	12
Визуалы героев 2	16
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	55
Глава 12	61
Глава 13	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Аннотация

— Дорогая, это... это не то, что ты подумала!

А что тут можно ещё подумать? Я вижу его руки, обнимающие её талию. Её юбку, задравшуюся до неприличия. След от помады на его шее. Его незастегнутый ремень...

В сорок пять я думала, что моя жизнь — это спокойная семейная бухта. Да, без страстей и без бурь, но надёжная.

А потом застучала мужа в объятиях учительницы нашей дочери. На выпускном. Прямо в нашей машине. Тогда-то до меня и дошло, что наш брак уже давно превратился в фикцию. Последние несколько лет мы с мужем жили «ради ребёнка» и стали совершенно друг другу чужими. Не страсть — а привычка. Не любовь — а пустота. В отношениях наступила осень. Холодная, серая, унылая.

А мне вдруг так отчаянно захотелось весны!

Я не обязана жить в вечной осени. Я твёрдо знаю, что развод — это совсем не конец. Это начало моей новой жизни. Жизни, где я выбираю себя. Где дышу полной грудью. Где перестаю существовать — и наконец-то начинаю жить!

Это история о весне, которая приходит не только когда тебе восемнадцать — но иногда и в сорок пять!

Глава 1

Я всегда знала, что есть моменты, ради которых стоит жить. Выпускной дочери был одним из таких моментов. Я шла туда, как на собственный праздник.

Родители других учеников тоже, как и я, немного нервно улыбались, у многих дрожали губы — у всех был один и тот же блеск в глазах: смесь гордости и облегчения. Мы сделали это! Мы вырастили! Мы довели детей до первой в их жизни важного финала!

Зал ресторана сиял. Мерцающие огни, взрывы смеха, шуршание платьев — всё это кружилось перед глазами, но для меня существовал только один человек в этом многоголосом мире.

Моя девочка.

Высокая, стройная, с выправкой профессиональной гимнастки и улыбкой, от которой у меня сжималось сердце. Она смеялась с одноклассницами, делала селфи, поправляла блестящую корону на голове — её выбрали королевой выпускного, конечно же. А как иначе? Моя идеальная, золотая дочь.

Я смотрела на неё — и распускалась внутри, как тёплая весенняя ветка. Вот она — наша награда за годы бессонных ночей и переживаний. За годы, когда мы с её отцом жили, дышали, бесконечно работали ради неё. Она была... результатом. Наградой. Финальным аккордом нашей семейной

жизни.

— Мам, ну чего ты? — Милена подскочила ко мне, вся в ореоле цветочных духов и блёсток. — Ты опять сейчас расплачешься, да?

— Просто... Ты такая красивая. И взрослая. И я горжусь тобой безумно!

Это было чистой правдой. Я будто расправлялась внутри, видя, какой она стала. Во многом благодаря нам, нашему непрестанному родительскому труду, нашей стойкости, нашему терпению. Нашим мечтам.

Она улыбнулась, мягко, почти смущённо. А я крепче сжала её аттестат без единой четвёрки и золотую медаль в подарочной коробочке, которые я не выпускала из рук с момента награждения.

Да, впереди ещё нас ждала самая напряжённая пора — поступление, но наша умница поступит, я уверена! Её ждёт престижная профессия и стабильно растущий доход. Она продолжит наш путь — достойный, понятный, проверенный. Станет достойным членом нашей семьи потомственных медиков.

Я наклонилась к ней и прошептала, желая и её тоже приободрить:

— Я знаю, что ты поступишь. Ты справишься! Всё будет хорошо! У тебя всё получится, зайка. Ты же знаешь, как мы с папой верим в тебя.

Милена вздрогнула. Лёгко, почти незаметно, но я почув-

ствовала — как будто от моих слов её кольнуло иголкой.

— Мам... — она отступила на шаг. — Мне нужно тебе кое-что сказать. Ты только не пугайся.

— Говори, доченька!

Я улыбнулась, не понимая ещё, что мой мир сейчас рухнет.

— Я не буду подавать документы в мед.

В этот момент новая песня заиграла особенно громко, ба-сы ударили по ушам.

— Что? — я даже не расслышала.

— Я не хочу в мед, — она подняла на меня взгляд — прямой, взрослый. — Я уже подала документы в университет дизайна и технологий.

Я моргнула раз, другой. Как будто пыталась вернуть резкость изображению, которое внезапно расплылось.

— Прости, я не расслышала... Куда ты подала документы?

— В Московский государственный университет дизайна и технологий. Я хочу стать дизайнером одежды. Хочу шить. Мне стало жарко. Потом холодно. Потом снова жарко.

— Милена, дорогая... Ты это... серьёзно? Но мы же... мы столько лет к шли к нашей общей цели! Олимпиады по биологии и химии, курсы, подготовка... Ты же сама говорила, что хочешь стать стоматологом, как папа. Или дерматологом, как я. Или педиатром, как бабушка. Или...

— Мам, это не я говорила, — перебила меня дочь. — Это

вы говорили. Всегда.

Я словно получила удар под рёбра.

Смотрела на неё, на свою идеальную девочку, на ту, вокруг которой я выстраивала всю свою жизнь, и вдруг увидела в её глазах что-то, что пропустила, не заметила раньше.

Непреклонную волю. Горящую мечту. Собственную жизнь, не похожую на ту, которую мы изо всех сил пытались для неё построить.

— Дизайнером... одежды? — выдохнула я.

— Да.

Это «да» было уверенным. Чистым. Каменным.

Вокруг смеялись, танцевали, снимали видео. Никто и не подозревал, что у меня прямо сейчас рушится всё. Привычная реальность трещит по швам. Расползается в руках, как бумажный кораблик под дождём.

Я стиснула зубы так сильно, что заныло виски.

— Мила... Давай... давай не сейчас, ладно? У нас ещё есть время. Много времени! Мы всё обсудим. Мы сядем спокойно дома и...

— Мам! — она перебила меня удивительно холодно, почти жестко. — Хватит. Я уже всё решила! Точка!

Финальное слово «точка» будто опустилось на меня тяжёлым чугунным грузом.

Я даже не успела возразить. Милена уже отвернулась — легко, уверенно, так, как будто это был обычный разговор, и ушла обратно к своим одноклассникам. Смеяться, веселить-

ся, танцевать. Праздновать окончание детства.

А я стояла посреди яркого праздничного зала, окружённая музыкой, смехом, блеском гирлянд — и чувствовала себя такой маленькой и одинокой. Точно на маленьком плоту в середине огромного холодного океана.

Мне срочно нужно было с кем-то разделить свое одиночество. Мне нужен был рядом человек, который бы точно меня понял.

Где мой муж? Где он, чёрт возьми, когда он так нужен?

Визуалы героев

Дорогие читатели!

**Рада Вам представить главную героиню новой истории
Юлию!**

Врач дерматолог-косметолог, примерная жена и мать, 44 года

Всю себя посвятила семье

Очень хочет, чтобы дочь продолжила их династию медиков

А это её дочь Милена, 18 лет

Одержима мечтой стать дизайнером одежды.

Сама спроектировала и сшила себе платье на выпускной

Очень близка с родителями, но устала от их давления

Глава 2

Мне сейчас очень нужна его поддержка. Мне нужно срочно рассказать ему о том, что наша гениальная девочка решила стать швейей, а мы ничего, совершенно ничего не можем с этим поделать.

Только он поймёт, какой ад сейчас творится у меня внутри. Как больно бывает, когда рушатся ожидания.

Я повернула голову, пытаюсь отыскать в толпе того, кто разделит мой шок, мою боль, мою внезапную пустоту. Но вокруг были только счастливые лица.

Я поспешила через зал, оглядываясь, всматриваясь в толпу.

Здесь были родители, учителя, выпускники, официанты, куча людей... но его лица нигде не было видно.

Меня начинало трясти.

Мне нужно найти его. Мне нужно всё ему рассказать. Мне нужно услышать, что он тоже в шоке, что он тоже не понимает, как так вышло, что он чувствует то же, что и я. Что он обязательно попробует всё исправить!

Я продолжала искать, обходить столы, протискиваться между танцующими.

Где он? Почему его нет рядом? Почему он не чувствует, что сейчас очень мне нужен?

Я обошла весь банкетный зал. Столики. Танцпол. Фото-

зону. Даже заглянула в мужской туалет — слегка приоткрыла дверь и тут же захлопнула, смутившись. Его там тоже не было.

Тогда я поспешила к выходу. Двери распахнулись, и в моё разбурявшееся лицо ударил прохладный ночной воздух. Возле ресторана стояло несколько человек, но среди них не было моего мужа.

И в этот момент я заметила, что в нашей машине, которая была припаркована чуть в стороне от остальных, мелькнула ... тень. Силуэт. Кто-то двигался внутри.

Я заморгала, пытаюсь сфокусироваться. Салон затуманен. Фонари отражают на стёклах бликующий свет. Но я отчётливо вижу — там кто-то есть.

Неужели мы забыли закрыть машину? Сегодня мы оба так торопились, нагруженные букетами, подарками, пакетами для Милены, что вполне могли забыть.

Я почувствовала липкий холод вдоль позвоночника.

Кто же забрался туда? Воры, которые прямо сейчас обыскивают бардачок в поисках наличных? А может — что ещё хуже — парочка школьников, решившая уединиться?

Не чувствуя страха, я сразу же рванула к машине, полная решимости защитить честно нажитую собственность. Я подошла ближе, схватила за ручку — и с силой дёрнула её. Дверь поддалась сразу же и настежь распахнулась.

Мир перевернулся снова.

Я стала свидетельницей сцены, которую невозможно за-

быть. Свет фонаря освещал салон автомобиля, поэтому мне было хорошо видно во всех деталях, что именно творится внутри.

Мой муж. Мой мужчина. Отец моей дочери.

Лежит сверху на женщине. Его руки у неё под платьем. Её пальцы вцепились ему в плечи.

И он двигается на ней.

А я стою, вцепившись в дверцу, и чувствую, как земля уходит из-под ног.

Она — молодая, красивая. Длинные голые ноги, задранные вверх. Волосы рассыпаны по сиденью, как золотая паутина. И... что самое странное — она удивительно похожа на меня.

На меня лет двадцать тому назад.

Я узнала её сразу — это учительница английского нашей дочери. Та самая, что так тепло отзывалась о Милене. Та самая, что всегда говорила мне: *«У вас такая чудесная дочь!»*.

И, видимо, в какой-то момент, мой муж тоже показался ей особенно чудесным.

Они оба одновременно повернули ко мне головы.

Муж попытался отстраниться от распростёртого под ним тела, но поздно. Слишком поздно. Учительница сдёрнула с обнажённой груди его руку, судорожно поправила платье, прикрывая её. Лицо девушки густо покраснело — но это всё уже было не важно.

Важна только одна мысль, которая наживую режет меня

пополам, без всякой анестезии: он изменил мне.

Мой мир снова рушится — но на этот раз громко, убийственно, разлетаясь острыми осколками, которые впиваются мне прямо в сердце.

— Юля... — шепчет муж. Глаза огромные и испуганные, как у животного, пойманного в капкан.

Но я ничего не слышу.

Потому что в этот момент во мне умирает всё. Все наши планы на жизнь. Вся наша совместная история.

— Дорогая, это... Это не то, что ты подумала! — мой дорогой муж, умник и интеллеktуал, не придумал ничего лучше, чем сказать эту глупую, пошлейшую фразу, вырванную прямиком из дешевого водевиля про неверного супруга.

Я смотрю на них — на его руки, обнимающие её талию. На её юбку, задранную до неприличия. На след от помады у него на шее. На его ремень, который он до сих пор так и не застёгнул.

Ну что тут можно ещё подумать, кроме очевидного?

И я резко развернулась и пошла прочь.

Визуалы героев 2

А это тот самый неверный муж (пока ещё муж) нашей героини

Алексей, 45 лет, владелец сети стоматологических клиник,

сам в прошлом талантливый врач-стоматолог, однажды сделавший выбор в пользу бизнеса,

справляется с кризисом среднего возраста самым банальным способом - заводит молоденьких любовниц

Та самая молоденькая любовница Алексея

Евгения, 27 лет, молодой педагог в элитной московской школе

Хочет поскорее устроить свою жизнь - выйти замуж за богатого мужчину, родить ему ребёнка и больше никогда не работать: ни в школе, ни где-либо ещё

Глава 3

Пошла, а затем почти побежала. Сначала медленно, потом быстрее.

Полноценно бежать, увы, я не могла: каблуки предательски дрожали, тонкие шпильки цеплялись за каждую трещину в асфальте, а платье — это чёртово узкое платье, в котором ещё час назад я чувствовала себя самой красивой среди мамочек — сжимало ноги, будто удерживало меня в капкане. Но я всё равно старалась двигаться быстро, желая только одного — оказаться как можно дальше от того места, мой мужа прямо сейчас тщетно пытается застегнуть ширинку.

Надо срочно выбираться отсюда. Куда угодно, только подальше от этой машины, от этого воздуха, пропитанного сладковатым ароматом чужих духов и жаркими объятиями любовников. Я чувствовала, как под каблуками хрустит гравий, как праздничное платье, выбранное для «самого счастливого дня» — цепляется за коленки, мешая шагать быстрее. Но всё равно шла вперёд.

Голова гудела. Шаг, ещё шаг. Бессмысленный, механический, как будто я — это не я, а пустая оболочка, которой дали команду «движение вперёд».

До моего слуха доносилась музыка из ресторана — приглушённая, как сквозь воду. Люди сейчас смеются, радуются, танцуют... Я тоже собиралась станцевать с мужем пару

медленных танцев. Вспомнить молодость, так сказать. Но он, кажется, уже вспомнил её. Не со мной...

Моя дочь осталась где-то там. Взрослая, с сияющими глазами. С новыми мечтами, о которых я не знаю ровным счётом ничего. И пока я стояла на сцене, обнимала Милену и думала, что вот она — наша общая победа, мой муж в этот момент... В нашей машине. Там, где пару часов назад сидела вся наша семья.

К горлу подступил комок. Я схватилась за перила какого-то маленького магазинчика. Мне трудно дышать — в груди мало воздуха. Я хватаюсь за неё ладонью — как будто пытаюсь удержать раскалывающуюся грудную клетку.

Проходящая женщина бросает на меня встревоженный взгляд:

— Вам плохо?

— Нет, — ответила я, сама удивляясь тому, насколько сильно дрожит мой голос. — Всё хорошо.

Какое «хорошо»? Я не уверена, что это «хорошо» когда-нибудь в моей жизни снова будет. Сейчас кажется, что эта невыносимая боль никогда не уйдёт, что мне придётся с ней свыкнуться и каким-то образом научиться существовать.

— Юля! Юля, подожди! — вдруг голос мужа ударил мне в спину.

Я даже не оглянулась — не хочу сейчас даже видеть его.

— Позволь мне объяснить!

Объяснить? Я чуть было не расхохоталась — но смех застрял где-то в груди, сжался, превратился в болезненный ком. Что он может мне объяснить? Я это видела. Своими собственными глазами. А если он начнёт рассказывать мне сказки о том, что это было недоразумение, ошибка, импульс...

Лёгкая дрожь пробежала по ногам в тот момент, когда я представила, как муж будет лепить мне эти идиотские отмазки. Я не выдержу. Я просто сорвусь. Начну бить по его красивому, ещё недавно любимому и дорогому лицу изо всех сил. Вцеплюсь в него ногтями. Захочу сделать ему так же больно, как он сделал мне. Обрушиться на него бурлящим адом, который прямо сейчас раздирает меня изнутри.

Да, именно так — воспитанная, вежливая, «правильная» девочка, которая всегда улыбалась, всегда сглаживала углы, всегда держала себя в руках, набросилась бы на него, как раненый зверь. Била бы, пока руки не онемели.

Но я не имею права так сделать — меня так воспитали. «Хорошая девочка» должна оставаться таковой при любых обстоятельствах.

Меня учили: держи себя в руках, води себя «правильно», будь спокойной, будь сдержанной, будь удобной. И я держала. Держала всегда.

Но сейчас...

Я слышала, как он приближается — его тяжёлый, сбившийся шаг. И это не вызывало ничего, кроме ледяного ужаса

и выматывающей, обжигающей ярости.

— Юль!.. Юлечка!.. Пожалуйста! Где ты?

Я резко свернула в первую попавшуюся подворотню — узкую, тёмную, пахнущую сыростью и чем-то затхлым. Инстинкт толкнул туда, где можно спрятаться. Каблук соскользнул, я чуть не рухнула, но успела ухватиться за стену. И буквально вжалась в неё, как будто желая стать частью этой стены, раствориться в её кирпичной кладке.

В этот момент Алексей пробежал мимо. Я слышала, как он зовёт меня. Зовёт голосом человека, которому вдруг стало страшно.

— Юля! Юль... пожалуйста... Выслушай...

Я зажала рот ладонью, чтобы не выдать себя слишком громким дыханием. И когда шаги удалились — выдохнула. Глухо. Тяжело.

Мне не хотелось его видеть. Не хотелось слышать. Мне хотелось плакать, кричать от боли — в противном случае, она угрожала просто разорвать меня изнутри.

Если бы я сейчас вышла к нему... Я бы сорвала с себя эту проклятую маску интеллигентной, воспитанной девочки, и ударила бы его. Один раз. Другой. Третий. По губам, которые пять минут назад прижимались к чужому телу.

Но леди так не делают. Они не устраивают сцен. Не позволяют захватить себя эмоциям. Леди улыбаются, даже когда внутри всё рушится. Леди держат спину прямо, даже когда дрожат колени. Леди проживают боль внутри — красиво,

тихо, чтобы никто не заметил.

Так меня учили. Так я привыкла жить. Сдерживать себя изо всех сил, сохранять лицо в любых обстоятельствах. Делать вид, что всё в порядке.

Но как же должна вести себя леди, когда она собственными глазами видит адюльтер? Когда семейная жизнь трескается, как фарфор? Когда мечты падают, как сгоревшие лепестки, под ноги? Когда мир рушится так стремительно, что под ногами не остаётся ни одного кирпичика от прежней жизни?

Наверное, вот так... Прятаться в тёмном закутке, сдерживать слёзы и грызть губы, чтобы не взвыть от боли.

Я вышла из темноты и побрела дальше — в противоположную сторону от той, куда пошёл мой муж. Мне нужно спрятаться. Нужно исчезнуть с людских глаз. Нужно дать себе передышку.

Глава 4

Я медленно брела по незнакомой мне, плохо освещенной улице, отдаваясь всё дальше от ресторана. В какой-то момент поняла, что ушла уже слишком далеко. Музыка и веселье остались где-то позади. Улица стала пугающе пустой.

На миг я задумалась — а куда мне сейчас пойти? Домой? Туда, где стоит наша, теперь уже оскверненная, супружеская кровать? В квартиру, полной воспоминаний, которые все теперь кажутся липкими и фальшивыми?

Я не могла. Не могла даже представить себе, что снова увижу его наглые глаза. Как увижу на его губах следы красной помады. Нет, конечно же, он сотрёт их к тому времени, но теперь мне будет казаться, что они всегда там, что я всё равно это вижу.

Я не знала, когда я теперь найду в себе силы посмотреть на него. Завтра? Через неделю? Никогда?

От одной только мысли об этом дыхание сбилось. Не знаю когда, но абсолютно точно не сегодня!

Июньская ночь была прекрасной — тёплая, тихая, с мягким шёлком ветра, наполненная пьянящими ароматами сирени. Мир вокруг казался таким обычным, таким спокойным... Будто это не моя жизнь только что рухнула. Будто это чья-то чужая история. Как бы мне хотелось вернуться в мою спокойную и размеренную жизнь, а всё случившееся чтобы

оказалось просто дурным сном!

И вдруг — поблизости раздался смех, который быстро вырвал меня из омута моих мыслей. Громкий, хмельной. Я автоматически поёжилась.

Из подворотни, перегородив мне дорогу, вывалилась компания. Человек пять — все молодые, подвыпившие, с красными глазами. Они заметили меня сразу — как звери замечают что-то одинокое, выбивающееся из привычной среды.

— Эй, красавица... — протянул один из них, неопрятно лохматый. — Ты тут одна гуляешь?

Я ускорила шаг, стараясь не смотреть в их сторону, сохраняя видимость уверенности.

— О, да ты не стесняйся, — другой перегородил мне путь, распахивая руки для объятий. — Давай познакомимся!

Только этого мне сейчас не хватало!

Я отступила на шаг, потом ещё. Я давно не оказывалась одна ночью на улице — долгие годы передвигалась исключительно на машине, от двери до двери. Изолировала себя от всех случайностей и неожиданностей, от всего внешнего мира.

Столкновение с этим миром оказалось шоком для меня.

— Девушка, да мы просто поболтаем, — сказал третий, ухмыляясь. — Не молчи, ну?

Я почувствовала, как меня начинает трясти от ощущения полной, тотальной беспомощности. Что могу сделать я одна против компании подвыпивших хулиганов?

Я не могла кричать. Не могла позвать кого-то. Мне оставалось только одно — спокойно и твердо дать им понять, что я не боюсь.

Я подняла подбородок и небрежно бросила:
— Дайте мне пройти!

Мой голос прозвучал не так, как я ожидала — не так твердо и уверенно, как я планировала у себя в голове.

Они переглянулись. Кто-то засмеялся, кто-то цокнул языком.

— О-о, какая гордая цаца... — сказал лохматый. — Ты уверена, что хочешь так с нами разговаривать? Это невежливо!

Он направился прямо на меня, а я резко отшатнулась — и упёрлась лопатками в холодный бетон многоэтажки.

— Такая красоткааа... — протянул один, подходя слишком близко. — Да давай познакомимся, чё ты как эта...

Я оказалась зажата между ними и стеной. В платье, которое сковывает ноги. В каблуках, которые не дадут убежать.

И в этот момент я подумала — с ужасающей ясностью — что, если они прикоснутся ко мне, я ничего не смогу им сделать. Мне стало страшно до тошноты от того, насколько я уязвима, насколько нелепо беззащитна сейчас.

Они переглянулись между собой, обменялись нахальными ухмылками. Кто-то из них сделал шаг ещё ближе.

Я в ужасе закрыла глаза.

И вдруг, откуда-то сбоку, совсем рядом, раздался другой

голос — резкий, уверенный.

— Эй! Вы что творите? Отошли от неё. Быстро.

Голос возник настолько неожиданно, настолько внезапно разрезал тишину, что на долю секунды я подумала, что это у меня в голове. Что это мое отчаяние сотворило его.

Глава 5

Но, когда я открыла глаза, то наяву увидела фигуру, которой, вероятно, и принадлежал этот властный голос. Кто-то действительно вышел из темноты — уверенно, быстро и без колебаний встал между мной и толпой.

Свет фонаря едва тронул его плечи, очертил силуэт. Я успела заметить, что это точно кто-то высокий и крепкий, потому что он полностью заслонил меня от них.

Ребята напряглись сразу — мгновенно, как собаки, которые почуяли кого-то сильнее себя.

— Ты кто вообще такой? — бросил один, но голос его прозвучал как-то вяло, столкнувшись с чужой уверенностью.

— Я тот, кто сказал вам отойти, — произнёс мужчина спокойно. — Разошлись. Сейчас.

Никто не двинулся.

А я... Я стояла, вжимаясь в стену. Не могла не только убежать, воспользовавшись их смятением, но и вообще хотя бы пошевелиться.

Один из парней — тот, что был наглее остальных — сделал шаг к мужчине:

— Слышь, брат, иди своей дорогой, а?

И мужчина ответил ровно так, как отвечают люди, которые не привыкли повторять:

— Последний раз предупреждаю.

Голос его был негромким, но в нём было что-то такое, от чего даже у меня по спине прошёл холодок. Спокойствие человека, который *не угрожает* — потому что не видит необходимости угрожать. Он просто знал, что будет делать, если его не послушают.

В этот момент я уловила какое-то движение. Рука мужчины скользнула за спину, будто он собирался что-то оттуда достать.

Ребята тоже заметили это движение. Я увидела, как у них забегали глазки, как кто-то пытается ухмыльнуться, но улыбка выходит кривой, как они ищут в себе смелость, которой у них нет.

— Ладно... — буркнул один. — Пойдём.

— Да ну их... — поддержал другой, уже стараясь выглядеть равнодушным, будто им самим наскучило приставание ко мне, и внезапное появление этого мужчины совершенно не при чем.

Они ушли быстро, почти бегом, хотя очень старались изобразить расслабленность.

Мы остались вдвоём.

Мужчина стоял в метре от меня и не двигался. Он вообще ничего не делал — просто ждал, когда я приду в себя и заговорю первой.

А я стояла, прижатая к стене, с бешено колотящимся сердцем, с руками, которые дрожали, как будто через них пропустили ток, и думала только об одном: если бы он не появился

— что бы со мной было?

И тут я услышала свой собственный голос — тихий, хриплый:

— Спасибо...

Он сделал шаг ко мне — медленный и осторожный, чтобы я не испугалась и не отпрянула.

И тогда фонарь впервые осветил его лицо.

Немного резкие черты. Чёткая линия скул. Спокойные, внимательные глаза. Здесь, в темноте, они кажутся почти черными. И взгляд... спокойный. Не оценивающий, не наглый, не праздный.

— Всё в порядке? — спросил он.

Я только кивнула.

— Ты далеко живёшь? — спросил он мягче. — Могу вызвать такси. Могу отвезти тебя сам. Или пройти с тобой до оживлённой улицы. Как ты хочешь?

Он не стал спрашивать, почему я вообще оказалась в вечернем платье одна посреди ночи. Его интересовало только то, как ещё он может мне помочь, но я не могла произнести больше ни слова.

Он посмотрел на меня внимательнее, оценил то, в каком глубоком шоке я нахожусь и молча снял с себя пиджак.

— Вот возьми. Тебе холодно.

Я взяла и сразу ощутила тепло ткани. Это тепло проникло в меня, согревая.

— Здесь рядом бар, — вдруг неожиданно предложил он.
— Тихий, спокойный. Можем зайти, чтобы ты могла согреться...

В этот момент я впервые посмотрела на своего спасителя по-настоящему, взгляделась в его лицо. И почему-то мне захотелось ему довериться. Он был одет в красивый, дорогой костюм хорошего кроя, а мужчины в строгих костюмах почему-то всегда вызывали у меня доверие. Это, наверное, глупо, но факт: в моей голове они всегда ассоциировались с порядком, надёжностью, с какой-то структурой, которая не позволяет хаосу поднять голову. И этот мужчина казался как раз таким.

Глупая мысль. Но мысли сейчас у меня вообще были странные, как у человека после удара по голове.

Но всё-таки я решила позволить ему вывести меня из ночи, которая таила в себе столько опасностей.

Глава 6

Я согласилась, хотя это было совершенно на меня не похоже. С незнакомым мужчиной? Ночью? В бар? Да это просто немыслимо!

Но, повинуясь внутреннему голосу, я пошла рядом с незнакомцем, чувствуя, как его пиджак тепло обнимает мои плечи. Он не только согревал тело — он давал странное, почти забытое ощущение защищённости.

Оказалось, что дверь в бар находится буквально в двух шагах — сюда, видимо, и направлялись хулиганы, чтобы продолжить праздновать. Я уже хотела было отказаться туда идти, но тут мой спаситель толкнул дверь, пропуская меня вперёд.

— Прошу, — сказал он, чуть наклонив голову. И в этом было что-то... такое старомодное, но довольное милое.

Я вошла, и оказалось, что все мои опасения были напрасны. Внутри бар оказался маленьким, тихим, с мягким тёплым светом. Пахло кофейными зёрнами и ванилью. Я кожей почувствовала, что это безопасное пространство.

Мужчина проводил меня к столику в углу, который, очевидно, он и занимал до того, как ринуться меня спасать, а сам сел напротив.

— Меня зовут Максим, — сказал он, как только мы устроились.

— Юля, — представилась я в ответ.

В этот момент к нам подошёл бармен, выполняющий и функции официанты, и Максим посмотрел на меня вопросительно:

— Чай, кофе? Или может, что-нибудь покрепче для тех, у кого вечер явно не задался?

— Нет, только чай... да, горячий чай будет самое лучшее, — сказала я торопливо.

— Тогда и мне чай, — сказал он. — Из солидарности. Не хочу маячить перед тобой со своим виски.

Приняв заказ, официант отдалился, а Максим окинул меня внимательным взглядом.

— Всё ещё дрожишь. Кажется, мой пиджак не сильно помогает...

Он говорил мне *ты*, и это почему-то звучало удивительно естественно, хотя мы были знакомы всего ничего.

— Всё нормально, я сейчас отойду. Просто нужно немного времени...

— Понимаю. Надеюсь, чай сможет хоть немного утешить.

Я посмотрела на него и вдруг заметила — а у него очень красивые руки. Такие спокойные, уверенные, с длинными пальцами и широкой ладонью. Я всегда обращала внимание на то, какие руки у мужчины, и эти определенно заняли бы первое место среди всех, что когда-либо были мне знакомы.

— Спасибо, — снова повторила я. — За всё...

— Я просто оказался рядом.

— В правильный момент...

Чай принесли быстро. Чашки были тёплые, и когда я взяла свою ладонями, это ощущение тепла пошло по пальцам, быстро поднялось выше. Бар был совершенно пустой, бармен лениво протирал стаканы и делал вид, что нас нет, — и это странным образом успокаивало. Как будто мы сидели в маленьком, укрытом от всего мира месте на самом краю земли.

Мы сидели молча уже какое-то время, но тишина между нами была не неловкой. И вдруг я поймала себя на мысли, что хочу задать вопрос, который жег меня изнутри с того самого момента, как мы оказались здесь.

Я поставила чашку, и чуть склонила голову, собираясь с духом.

— Можно задать... интимный вопрос?

— Для таких вопросов точно можно не спрашивать разрешения!

Я нервно облизнула губы, чувствуя, как жар поднимается к щекам. Но любопытство оказалось сильнее.

— А скажи... — я замялась, но всё-таки решилась. — Откуда у тебя пистолет?

Он замер, а потом его лицо расплылось в улыбке.

— Ты же пригрозил им... Я видела, как твоя рука метнулась к карману. И ну... я подумала... Может ты полицейский? Или... — я заметно напряглась. — Бандит?

Максим откинулся на спинку стула и рассмеялся.

— Как бы я хотел сказать, что ты угадала. Что я офицер спецназа или, на худой конец, криминальный гений... Это звучало бы куда романтичнее! Увы. Правда прозаична и скучна.

Он наклонился вперёд и заговорщически понизил голос:

— У меня нет никакого пистолета. И никогда не было, — сообщил он с видом человека, который признаётся в чём-то почти стыдном. — Я просто засунул руку в карман и сделал максимально суровое лицо. Всё. Вот и весь секрет. В спецэффектах!

Мне понадобилась секунда, чтобы это дошло до моего сознания.

— То есть... ты блефовал?

— Страстно и самоотверженно, — подтвердил он. — Вложил в это всю актёрскую мощь, на которую был способен после трёх рюмочек.

— Но они же поверили!

— Мальчишки, — пожал он плечами. — У большинства воображение работает лучше любого оружия.

Я тоже засмеялась, выпуская в этом смехе всё напряжение вечера. Максим смотрел на меня и улыбался — как будто ему было приятно видеть, как мне становится легче.

— Честно, — сказала я, как только снова смогла говорить, — я думала... Я правда решила, что ты какой-то... ну очень опасный человек.

— На самом деле я просто умею делать суровое лицо.

— Значит, ты не полицейский? — на всякий случай уточнила я.

— Нет.

— И не бандит?

— Увы. Только в твоём воображении я мог бы им предстать.

Я смутилась, но снова улыбнулась.

— А кто ты тогда?

— Человек. Просто человек, который волею случая оказался рядом.

— А что ты вообще здесь делал? В ночном баре, почти пустом... В одиночестве.

Он чуть улыбнулся, но на этот раз улыбка вышла грустной.

— В твоём вопросе и содержится ответ — в одиночестве. Это и есть причина, по которой я оказался здесь. Заливаю расставание. Выбрал место, где никто меня не знает, и никто не полезет с вопросами. Хотя, признаюсь, твои вопросы мне совсем не мешают.

— Прости... — сказала я почти автоматически. Хотя до конца не понимала, за что именно. За то, что полезла в душу? За то, что разрушила его одиночество?

Он махнул рукой:

— С незнакомцами легче говорить. Как в поездках дальнего следования, знаешь? Мы видим друг друга в первый и последний раз, поэтому можем быть откровенны. Ты забудь

дешь меня через час — а я выговорюсь и мне полегчает. Ладно... хватит обо мне! Что насчёт тебя? Почему ты здесь?

Глава 7

Я молчала, опустив глаза. Мне совсем не хотелось рассказывать ему о том, что сегодня моя семейная жизнь рухнула. Не потому, что я ему не доверяла или что-то вроде того, нет. Просто не хотелось снова вспоминать об этом после того, как мне сделалось так неожиданно спокойно и легко.

— Ну же, — улыбнулся Максим. — Мы же просто попутчики в поезде дальнего следования, которые больше никогда не увидят друг друга, помнишь? Расскажи мне, что делала такая красotka в безлюдной подворотне ночью? Я думал, что будет невежливо спрашивать, но раз уж у нас сегодня такая ночь откровений...

— Это ты так решил? — усмехнулась я. — Что сегодня ночь откровений?

— Так решила сама жизнь, — мужчина развел руки. — Хорошо, если не хочешь говорить, дай я сам угадаю... Ты шла в вечернем платье, на каблуках, с прической, мейком, вся такая из себя... Ты определённо не местная. Но и не случайная. И я сразу подумал — а может ты актриса, которая сбежала с вручения премии, устав от вспышек фотографов?

— Актриса? — я рассмеялась.

— Ну да. Победительница номинация «Лучшая женская роль в драме года». Устав от аплодисментов, решила просто выйти и перевести дыхание, как тут её начали преследовать

малолетние поклонники...

Я фыркнула.

— И ты решил вмешаться?

— Я решил, что у актрисы, сбежавшей с премии, не должно быть проблем с подвыпившими подростками, — ответил он с совершенно невозмутимым видом.

Я рассмеялась, а Максим продолжил меня смущать:

— Знаешь... они, конечно, подонки, но если честно... Я бы сам ни за что не прошёл мимо такой женщины!

Он произнёс это спокойно, без пошлости, без попытки впечатлить — просто как констатация факта. А я сделала глоток своего уже остывшего чая, пытаюсь скрыть смущение и странного удовольствия от того, что на меня смотрят так... внимательно.

— Перестань, — отмахнулась я, но внутри что-то дрогнуло. — Ты говоришь глупости... Серьёзно, я не выглядела как-то особенно. И нет, никакая я не актриса. И не было никакого вручения. Просто... Вечер пошёл не по плану.

Он посмотрел на меня внимательно — слишком внимательно, настолько, что я вынуждена была опустить глаза.

— Так что же с тобой случилось? Кто ты, красавица, которая гуляет сама по себе?

— Случилось... много чего. Просто не из того, о чём обычно рассказывают незнакомцам.

— Я не знаю, что именно у тебя произошло... но это было явно что-то очень плохое. И я сейчас не про встречу с хули-

ганами-подростками...

— Ты очень наблюдательный. Но я правда не могу об этом говорить. Не хочу и не желаю.

Он кивнул. Его взгляд был внимательным, но не давящим. Он не пытался проникнуть туда, где я была всё ещё закрыта на тридцать замков. И я отвела глаза, чтобы скрыть то, что подступало к поверхности.

— Всё в порядке, — сказал он тихо, будто прочитав моё внутреннее сопротивление. — Не нужно рассказывать, если не хочешь. Я не лезу.

И это «я не лезу» прозвучало для меня как спасательный круг, как разрешение — не говорить, не объяснять, не рвать рану шире.

— Спасибо, — прошептала я почти неслышно.

Максим какое-то время молчал, задумчиво постукивал пальцами по столу.

— Да, да, я понимаю, что это не моё дело, — тут же добавил он. — Я не спрашиваю, что случилось. Но могу я спросить другое?

— Что именно? — насторожилась я.

— Тебе есть куда пойти?

— Я... Даже не знаю... — от этого вопроса я почему-то растерялась. Конечно, мне есть куда пойти, я же не бездомная! У меня есть мой дом — большая, просторная квартира. Но почему мне совершенно не хочется сейчас туда идти?

— Ты вообще часто гуляешь по ночам? — Максим чуть

подался вперёд. — Или это твой дебют?

— Дебют, — призналась я. — Всё как-то не было повода.

— А сегодня появился?

Я усмехнулась про себя. Да, появился. Такой, от которого земля ушла из-под ног. Такой, после которого я могла либо упасть на колени там же, на парковке, захлёбываясь в рыданиях, либо идти, куда глаза глядят, пока ноги держат.

— А ты не хочешь прогуляться?

— Сейчас?

— А почему бы и нет? — Максим пожал плечами. — Ночь только начинается. Москва в такое время — особенная. Если вдруг ты решишь, что тебе нужен попутчик в ночном путешествии по городу, я готов сыграть эту роль. Покажу тебе город, который обычно никто не видит. Эти пустые улицы, золотые огни на воде, запах липы у набережной... Это будет идеальная ночь для первой прогулки.

— Максим... — начала я нерешительно. — Я... правда не знаю, стоит ли...

— Стоит, — мягко перебил он. — Кстати, я знаю одно место в паре минут отсюда, где можно увидеть город сверху. Вид будет потрясающий, обещаю!

Я посмотрела на его протянутую руку и тихо сказала:

— Ну... Хорошо. Только недолго.

Глава 8

Мы вышли из бара, и в лицо сразу ударил прохладный воздух, чуть влажный после недавнего дождя. Асфальт блестел, отражая мягкие пятна фонарей. Редкие машины проплывали мимо.

Я невольно замедлила шаг — мне хотелось впитать всё: эту тишину, эти огни, этот странный покой, который я уже давно не чувствовала. Ночь приняла нас в свои объятия. Тёплая, тихая, неожиданно гостеприимная. Как если бы город решил, что мы заслуживаем того, чтобы он раскрылся перед нами со своей самой лучшей стороны.

Максим шёл рядом, сохраняя идеальную дистанцию. Он как будто чувствовал её интуитивно.

— Холодно? — тихо спросил он.

— Нет, — ответила я, хотя было чуть прохладно. Но это была приятная прохлада. — Москва такая... другая ночью.

— Она настоящая. Днём она торопится, выпендривается, пытается понравиться. А ночью — как будто выдыхает. Остаются только огни и люди, которые почему-то не смогли уснуть.

Мы шли дальше. Он показывал мне старые дома, рассказывал, что здесь раньше был маленький театр, а там — мастерская художника. Потом мы поднялись по широкой лестнице к площадке, с которой открывался удивительный вид:

река блестела длинной серебристой полосой, мосты были похожи на подсвеченные арки из сказки, а где-то вдали высотки горели мягким янтарным светом, как огромные свечи.

— Вот, — тихо сказал Максим. — Это моё секретное место силы. Я прихожу сюда, когда мне нужно вспомнить, что я живу, а не существую. Город, раскинувшийся перед глазами, всегда напоминает о масштабе. И о том, что ни одна боль не вечна...

— Почему ты мне его показал? — спросила я после паузы.
— Оно же секретное...

Он пожал плечами.

— Ты выглядишь так, будто тебе тоже нужна передышка. А Москва умеет утешать, если правильно к ней подойти. Вот я и решил рискнуть.

— Рискнуть?

— Ну а вдруг ты бы сказала: «Оставь меня в покое, странный тип с воображаемым пистолетом, я никуда с тобой не пойду»?

Я рассмеялась.

— Да, это звучало бы вполне логично. Но... нет. Я рада, что ты привёл меня сюда.

Максим улыбнулся. Свет фонаря падал на его лицо, подчёркивая его сдержанную, даже немного суровую мужскую красоту.

И тут — совершенно нечаянно, без заранее принятого решения — мне вдруг захотелось прикоснуться к нему. Зачем?

Я не знала. Для того, чтобы убедиться, что всё это действительно происходит? Для того, чтобы разделить этот волшебный момент с ним? Для того, чтобы поблагодарить за секретное место, которое он для меня раскрыл? Ситуация плохо поддавалась анализу.

Поэтому я просто протянула руку и осторожно взяла его за руку.

Его пальцы в ответ чуть дрогнули. Он посмотрел вниз, на наши соединенные руки, и я почувствовала, как его ладонь медленно сжимает мою.

Ночь стала теплее. Воздух — мягче. А город перед нами — ещё прекраснее.

Это было невероятно. Совершенно незнакомые доселе чувства охватили меня.

Мы стояли на высоте, держась за руки, и казалось, что ветер обтекает нас мягко, точно не желая разъединять. Огни внизу мерцали, как будто кто-то рассыпал по городу тысячи крошечных драгоценных камней.

— Странно, — сказала я тихо. — Я родилась и прожила здесь всю свою жизнь, но сейчас мне кажется, что я вижу город впервые...

— Значит, всё правильно, — ответил Максим. — Иногда нужно оказаться в другой компании, чтобы увидеть что-то новое в привычном и знакомом. Пойдём дальше?

Мы перешли мост, свернули во дворик, где стояли старые липы. И там — среди этой зелёной тишины — я вдруг ска-

зала то, о чём никогда никому не говорила и даже не думала.

— Знаешь... у меня никогда не было таких вот прогулок по ночам. Даже в студенчестве, когда, казалось бы, сам Бог велел... — я усмехнулась, но усмешка вышла немного печальной. — Я тогда всё время училась. Экзамены, зачёты, практики... Мне казалось, что если я хоть на день расслаблюсь — у меня всё рухнет.

— Рухнет что?

— Жизнь. Путь, который я выстроила. Моя дорога... она всегда была слишком прямой. Знаешь, как линия, проведённая линейкой: шаг в сторону — и всё... Конец!

Он задумчиво кивнул.

— Похоже, ты всегда была слишком ответственной. Но всё, что упущено, можно нагнать. Всё, что не попробовано, можно попробовать...

— Ты так уверенно говоришь. Будто сам в это веришь...

— Верю! Ещё как. И знаешь, что ещё... Меня всё никак не отпускает мысль, что ты могла бы стать актрисой! У тебя... такое лицо.

— Какое такое?

— То, которое не забудешь. Даже если всего лишь увидел его однажды ночью в баре...

— Ты слишком любезен, — тихо сказала я.

— Я — честен, — поправил он.

Мы вышли к набережной, и тут я увидела, что горизонт начал розоветь. Первый тонкий просвет рассвета разрезал

небо, будто кто-то осторожно провёл кистью с новой краской.

И именно в этот момент откуда-то со стороны Арбата вышла группа вчерашних выпускников — шумных, счастливых, с шарами и ленточками. Они смеялись, обнимались, кричали что-то друг другу, кто-то уже пил кофе, кто-то — нечто из стеклянных бутылок.

Я посмотрела на них и вдруг почувствовала такую странную сладкую боль. Моя взрослая дочь встречает сейчас свой рассвет. А я... свой.

Максим принес два стакана кофе из круглосуточного кафе, и мы неспешно пили его на лавочке, пока мир вокруг медленно светлел.

И в этот момент я вдруг поняла, насколько мне не хочется, чтобы это кончалось.

Не хочу возвращаться! Не хочу видеть квартиру! Не хочу видеть мужа. Не хочу с ним говорить. Не хочу даже об этом думать.

Но мне придётся...

Рассвет приближался стремительно — как неизбежность. Как конец любой, даже самой волшебной, сказки.

Глава 9

— Пожалуй... мне пора, — еле слышно произнесла я роковую фразу.

— Думаешь, уже пора возвращаться в реальность?

И в этот момент я почти физически ощутила, как эта самая «реальность» наваливается на меня — тяжёлая, липкая, громоздкая. Та самая реальность, которая всего несколько часов назад раскололась на тысячи острых, режущих осколков, которые всё ещё звенели где-то глубоко внутри меня.

Я сделала глоток остывшего кофе, ощутив вдруг вместо сладости напитка его горечь.

— Увы, да, — сказала я и попыталась улыбнуться. — Спасибо тебе за эту ночь.

— И тебе спасибо. За компанию. За разговоры. За... — он чуть наклонил голову, — за то, что позволила мне провести эту ночь с тобой. Это сделало её незабываемой.

Мы поднялись почти одновременно. Неторопливо прогуливаясь, вышли к уже оживающему проспекту, по которому ехали первые вереницы машин.

Я стояла, глядя на пробуждение города, и с ужасом понимала: **сейчас всё это исчезнет, как будто этого никогда не было. Эта ночь. Эта невероятная лёгкость. Эта странная защищённость. Этот мужчина, который всего за несколько часов стал мне душевно ближе, чем**

мой муж за последние несколько лет нашего брака, исчезнет тоже.

И, главное — исчезну я. Та, которой я себя почувствовала рядом с ним.

Меня не отпускало странное чувство, будто я упускаю что-то очень важное. Шанс, который выпадает раз в жизни.

Максим остановился, оглядел улицу. Он был спокоен, собран, но в его взгляде было что-то такое... горькое. Как будто он тоже не хотел, чтобы утро наступило так быстро.

— Надо вызвать тебе такси. Ты устала... — сказал он негромко, мельком оглядывая меня.

Он достал телефон, а я посмотрела на его профиль — сосредоточенный, красивый, задумчивый.

Через минуту всё это станет... воспоминанием. И только. Мы расстаёмся. Навсегда. И я сама должна поставить точку.

Я почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Я не знала, откуда он взялся — от осознания неизбежности или от того, что в присутствии этого случайного мужчины мне было так... спокойно. Так легко, как не было давно.

Такси подъехало быстрее, чем нам обоим того хотелось бы. Машина мягко притормозила у тротуара, и Максим уже шагнул вперёд, чтобы открыть мне дверь, но в последний момент я решила — прежде чем успела испугаться собственной смелости.

Потому что в этот момент я поняла: **если я ничего не**

сделаю прямо сейчас — потом буду жалеть об этом годами.

И я сделала что-то очень неправильное, неразумное, непредусмотренное, а просто... живое.

Я поднялась на носочки и поцеловала его.

Это был невинный, почти детский поцелуй. Я едва коснулась его губ своими. Коротко, невесомо, но этого мгновения хватило, чтобы в груди что-то вспыхнуло, дрогнуло, расползлось тёплой волной, от которой стало трудно дышать.

Максим застыл, поражённый внезапным электрическим разрядом, который прошёл насквозь и его.

— Юля... — начал он ошеломлённо.

— Тшшшш, ничего не говори.... Мы же случайные попутчики, — сказала я тихо, сама пытаюсь удержаться в рамках этой роли. — Помнишь?

— Случайные попутчики... — повторил он, будто пробуя смысл этих слов на вкус, примеряя его к нам. — Значит, на то, чтобы ты дала мне свой номер... рассчитывать не стоит?

Я покачала головой. С долей сожаления, но твёрдо.

И в этот момент я увидела, как его взгляд скользнул вниз — к моей правой руке. Туда, где на безымянном пальце красовалось массивное золотое кольцо с крупным брильянтом. Которое за двадцать долгих лет стало уже моей частью.

Я заметила, как по его лицу прошла тень — не обиды, не злости, а именно понимания. Как его мягкая открытость сменилась сдержанностью. Как он, не задавая вопро-

сов, мгновенно додумал за меня всё: кто я, зачем я всё это сделала, что я пытаюсь забыть, почему ни за что не разрешу ему стать ближе.

Я открыла было рот, чтобы объяснить ему, что я никого не предавала, что моя семья рухнула за несколько часов до того, как он появился в моей жизни, но...

Но времени у нас уже не было. Оно утекало вниз, как песок между пальцев.

Да и стоит ли тратить слова — мы ведь случайные попутчики? Верно?

Водитель взглянул на нас через окно — устало, нетерпеливо.

— Можешь ничего не объяснять... Я всё понимаю, — сказал Максим с грустной улыбкой и распахнул передо мной дверь.

Я села. Такси дернулось с места слишком резко — как будто решило оборвать эту тонкую ниточку между нами, не дав нам опомниться.

Я смотрела на Максима через боковое стекло. Его фигура стремительно уменьшалась, растворялась в бледном золоте рассвета. Странно осознавать, что за одну ночь может появиться кто-то... кто вызовет такое чувство утраты.

Он исчезает в суе огромного города. Невысказанные слова царапают мне горло. Непрошенные мысли взрывают голову. Как легко всё могло бы сложиться иначе! Если бы я была бы другой... Если бы ночь продлилась хоть немного

дольше... Если бы жизнь была бы чуть-чуть проще.

Но сказка закончилась — как ей и положено заканчиваться — с первым лучами солнца. Карета превратилась тыкву, а сбежавшая от поклонников актриса — в Золушку.

И только когда силуэт Максима стал совсем крошечным, а потом и вовсе исчез, меня наконец осенило, что его пиджак всё ещё на мне. Всё ещё греет мои плечи.

Я хотела попросить водителя остановиться, выбежать к Максиму, вернуть ему пиджак и объяснить, что это не то, о чем он подумал. Что я не решилась на ночное приключение, чтобы изменить мужу или что-то в этом духе. Что это не измена, не грязь, не предательство... Во всяком случае не моё.

Но слова уже не имели значения, потому что некому их было произнести.

Он увидел кольцо — и сделал вывод. Спокойный, взрослый, болезненный.

Я сказала “мы случайные попутчики”, а он услышал “даже не пытайся”. И, наверное... он был прав.

Глава 10

Я возвращалась домой в том странном полутумане, который бывает только ранним утром, когда ночной морок ещё не рассеялся. На плечах всё ещё лежал его пиджак, пахнувший терпкими, мужскими духами. Единственное свидетельство того, что прошедшая ночь не была сном.

Когда машина свернула на нашу улицу, у меня в груди что-то болезненно кольнуло — как будто меня вытащили из тёплой воды на холодный воздух. Знакомый дом появился из-за поворота слишком быстро. Такси остановилось. Я вышла — медленно, осторожно, будто ступала в воду, где неизвестно, насколько глубоко. Поднялась по ступенькам, которые так хорошо знала, что могла бы пройти их с закрытыми глазами — но сейчас они казались чужими.

Дверь открылась ещё до того, как я успела найти ключ.

На пороге стоял мой муж.

Он, очевидно, тоже не спал ни минуты этой ночью — это было заметно. Лицо бледное, волосы взъерошены, глаза покрасневшие.

Я по-прежнему не была готова к нашей встрече. Его лицо всё ещё вызывало во мне непреодолимое отвращение.

Он посмотрел на чужой пиджак, накинутый на мои плечи, и его взгляд стал другим.

Не обвиняющим — нет. Но слишком внимательным,

слишком пристальным.

— Милена дома? — спросила я холодно.

— Нет. Ещё гуляет. А ты? Где ты была?

Я смерила его презрительным взглядом. Я не собиралась отвечать на этот вопрос. Его это уже не касалось.

Я хотела пройти мимо, но он преградил мне дорогу.

— Так где ты была? — повторил он чуть громче, будто надеялся, что вторая попытка даст ему ответ, которого он так ждал.

Он? Смеет спрашивать меня?

Я медленно стянула с плеч пиджак Максима, аккуратно сложила его пополам — будто оттягивала неизбежное — и только потом подняла глаза.

— Ты серьёзно думаешь, что у тебя есть право задавать мне вопросы? — спросила я спокойно. — После того, что я увидела?

Его лицо исказилось — не злостью, нет — чем-то похожим на страх. На желание что-то объяснить, выправить, исправить.

— Юля... — начал он, делая шаг ближе. — Давай так.... Это было... всё не так, не так как ты подумала. Я могу объяснить.

— Объяснить? — я рассмеялась. — Ну давай, объясняй. Мне даже интересно.

Он замялся, судорожно собирая свои нелепые оправдания в одну кучу и выискивая из них менее нелепое. А я уже зна-

ла, что он скажет. Могла воспроизвести любую его фразы заранее — как надоевшую запись старого граммофона.

— У неё... — начал он сбивчиво, — ей... Она...

— Только не это, умоляю, — перебила я. — Только не говори, что ей стало плохо, она упала в обморок, а ты приводил её в чувство своим... Своим причинным местом.

Он медленно выдохнул, явно пытаюсь подобрать слова, которые прозвучали бы правдиво или хотя бы убедительно, но у него ничего не выходило.

— Юля, не надо...

— Что? — я улыбнулась, чуть наклонив голову. — Ну давай, расскажи мне, что ты всего лишь делал ей искусственное дыхание изо рта в рот. Заднее сиденье семейной машины — ведь идеальное место для этого, правда?

Его глаза расширились — он понял, что любые слова сейчас только глубже уведут его туда, откуда не выбраться.

А я вдруг снова опустила взгляд на обручальное кольцо, и впервые за долгое время ощутила его тяжесть по-другому — оно как будто впивалось в кожу.

Муж молчал. Отчаянно пытался подобрать **версию**. Но, раз за ночь он так ничего путного и не придумал, у него вряд ли получится сделать это сейчас. Фантазия никогда не была его сильной стороной, иначе бы он не стал хорошим бизнесменом.

— Скажи хоть что-то честное, — прошептала я. — Хоть что-то одно.

А вот на это у него уже не хватало смелости. Он открыл рот — и снова закрыл. Отвёл взгляд. Выдохнул — коротко, виновато, неуверенно.

Я покачала головой. Всё, что нужно было знать, я уже увидела собственными глазами.
 Сцена в машине была правдой. А всё, что он пытался сказать сейчас — попыткой залатать дыру, которую он же и прорезал.

И странно — в эту секунду мне уже не было больно.

— Не надо, — сказала я наконец. — Не надо оправдываться. Глупо. Поздно.

Я отодвинула его в сторону и прошла в квартиру. Алексей молча пошёл за мной бледной тенью. Всё ещё цепляющийся за надежду, что эта ночь растворится сама по себе, будто плохой сон.

— И... что дальше? — спросил он наконец,

— Как это что дальше? — удивилась я. — Развод!

Я сказала это спокойно, просто, как очевидный факт, который не требует обсуждения. А он, кажется, даже пошатнулся, услышав это слово.

— Развод... — выдохнул он. — Так вот значит как... Так вот, значит, как ты решила? Просто раз... и всё. И нет нас.

— А ты ожидал других вариантов? После того, что я увидела?

— Значит... значит, ты никогда меня не любила, — сказал он резко. — Раз ты так легко... так спокойно говоришь о разводе. После того, как я... после того, как я один-един-

ственный раз в своей жизни оступился!

Я долго смотрела на него. На его смятение. На дрожащие пальцы. На попытку выставить себя жертвой — и обвинить меня в недостатке любви.

И я увидела, что он сам понял: оправдание звучит настолько нелепо, что даже он сам ему не верит.

— Ты хочешь знать, была ли между нами любовь? — спросила я, останавливаясь чуть в стороне. — Да. Была. Долгое время. Настоящая. Глубокая. Упрямая. Такая, которая удерживала меня рядом, даже когда становилось тяжело, даже когда я устала, даже когда приходилось в одиночку тащить всё, что мы называли семьёй.

Он слушал меня, не моргая, и я видела, что каждое слово бьёт его наотмашь.

— Но любовь — это не о том, чтобы закрывать глаза на предательство, — сказала я. — Любовь может выдержать многое... но твоё «один раз», — я усмехнулась, — оно стало последним шагом к тому, что давно уже трещало по швам.

Он посмотрел на меня долгим, растерянным, непонимающим взглядом. В нём было отчаяние человека, который до этого думал, что всё ещё контролирует ситуацию, и который только теперь понял, что нет.

— Ты что, правда хочешь уйти? — спросил он хрипло.

Я кивнула.

— А я не позволю... — прошипел в ответ муж.

Глава 11

— Что? — в первое мгновение мне показалось, что я ослышалась.

— Я сказал, что разводиться не буду, — упрямо повторил муж. — У меня нет на это никаких причин. У каждой семьи бывают свои трудности. Невозможно прожить жизнь и ни разу не оступиться. Да, я признаю, что оступился. Но это не повод уничтожать всё, что мы вместе строили.

Меня словно ударило чем-то тяжёлым по голове. Я сделала вдох — и воздух обжёг горло.

— А почему ты не подумал обо всем этом до того, как уединился с любовницей? — процедила я сквозь зубы.

— Это была ошибка, — тупо повторил он. — Одна. И из-за неё ты хочешь разрушить семью?

Его слова задели за живое. Он как будто пытался переложить на меня вину за своё собственное предательство. Пытался упрекнуть меня в том, что я разрушаю семью, в то время как он её уже разрушил!

— Семью разрушила не я, Лёша, — сказала я тихо. — Это был ты. И даже не вчера. Наша семья разрушалась годами, когда ты был где угодно, только не со мной. Я многое терпела. Многое оправдывала. На многое закрывала глаза... А потом... потом я увидела вас в машине и в одну секунду поняла, что ты не ошибся, не оступился, не «случайно». Ты

просто нашёл то место, где тебе действительно хорошо. А я теперь даже смотреть на тебя не могу. Каждый раз, глядя в твои глаза, я вспоминаю ту отвратительную сцену. И я никогда, никогда больше не смогу снова поверить тебе! Так что я не прошу твоего согласия на развод, Лёша. Я просто ставлю тебя перед фактом.

— Перестань драматизировать, — раздражённо бросил муж в ответ на мою тираду. — Ты взрослая женщина, а ведёшь себя как девчонка. Люди ошибаются. Это реальная жизнь, а не сказка. Один раз. Один, Юля. Я не собираюсь рушить брак из-за сиюминутной глупости.

— Это не глупость, — я почувствовала, как голос дрогнул. — Это предательство.

Он сжал губы в тонкую линию, потом глухо произнёс:

— Ты сейчас на эмоциях. Эта... ночь... — он выделил это слово, выразительно окинув взглядом чужой пиджак, — явно вскружила тебе голову. Но завтра ты успокоишься и всё поймёшь. Я не дам тебе разрушить семью. У нас общие обязательства, совместная ипотека, сотни вещей, которые нельзя просто порвать, как бумажку, только потому что ты решила сыграть в обиженную принцессу.

— Ты серьёзно? Ты пытаешься удержать меня ипотекой?

— Я пытаюсь удержать тебя здравым смыслом, — резко бросил он. — Потому что взрослые люди так не поступают. Они садятся и решают проблемы. А не бегут разводиться из-за всякой ерунды.

— Я не останусь с человеком, к которому у меня теперь
— ничего. Пустота. Холод.

Он усмехнулся.

— Знаешь, что самое смешное? Ты думаешь, что сейчас у тебя есть выбор. Но у тебя его нет. Я не отдам тебе половину всего, что мы строили. Развод нам обоим невыгоден — и ты это прекрасно понимаешь.

— Даже если бы он был мне выгоден, — я гордо подняла голову, — я бы всё равно ушла. Потому что рядом с тобой я больше жить не могу. Не хочу. Не буду.

— Знаешь, Юля... — начал он, и голос его вдруг стал низким, спокойным. — Тебе неприятно будет это услышать, но я всё равно скажу. Иногда мужчинам хочется чего-то простого. Понимаешь? Да, я люблю дорогие рестораны, но иногда... иногда так хочется нажраться дряни в фастфудной забегаловке, а не сидеть в ресторане за бокалом вина, обсуждая искусство! Просто место, где можно быстро заскочить, быстро... — он запнулся, но только на долю секунды, — быстро справить нужду. Мужчины так устроены. Иногда нам нужно что-то простое. Приземлённое. Примитивное. И та девушка — она просто оказалась рядом в тот момент, когда мне захотелось именно этого: сбросить пар.

— Ты изменил мне и пытаешься оправдать это... метафорой про фастфуд?

Он усмехнулся:

— Именно. Потому что ты должна понимать, что иногда

мужчине нужен чёртов гамбургер, а не дегустационный сет по пять тысяч за порцию.

Я медленно выдохнула, чувствуя странную лёгкость — ту, которая приходит, когда на человека, которого боялась потерять, вдруг смотришь и понимаешь, что он... чужой. И ничтожный в своей жалкой логике.

— Поэтому, — я кивнула, — ты предпочёл женщину, которую можно использовать, как салфетку?

Алексей равнодушно пожал плечами.

— Такие женщины не задают вопросов, не пилят мозг, не строят из себя совершенство. С ними легко. Понимаешь? Легко.

Он сделал шаг ближе, слишком близко.

— Ты же сама знаешь, что иногда ты бываешь невыносимо тяжёлой. Строгая. Холодная. Рядом с тобой чувствуешь себя студентом на экзамене, а не нормальным мужиком. Ты знаешь, как это утомляет? Хочется простоты.

— Но не на выпускном же дочери!! — возмущение захлестнуло меня с новой силой. Своими нелепыми оправданиями Алексей падал только ниже в моих глазах.

— Если тебе так хотелось простоты — ты мог просто уйти! Мог сказать, что тебе тяжело со мной. Мог хоть раз быть честным. Но ты выбрал унижить меня. А теперь ты пытаешься объяснить своё предательство тем, что это нормально, естественно, природно и что ты имеешь право иногда «выпустить пар».

Он нахмурился, как будто я ударила под дых, но быстро взял себя в руки.

— Скажи мне лучше, когда мы с тобой в последний раз занимались сексом на чёртовом колесе? Или в туалете забегаловки? Или на парковке торгового центра? В лифте? В моём офисе, наконец? Когда, Юля? Когда ты последний раз хотела меня так, чтобы плевать было на приличия?

— Ты серьёзно? — выдохнула я, не веря собственным ушам. — Ты правда думаешь, что я должна превратиться в... в кого? В кого-то, кто отдаётся в кабинке туалета?

— Я думаю, что ты перестала быть живой и страстной. Перестала меня хотеть...

— Ты выбрал забегаловку, Алексей. Это твой выбор. Но не смей делать вид, будто я виновата в том, что ты захотел грязи. Не смей говорить, что я тебя довела. Ты сделал это сам.

— Юля... — сказал он твёрдо. — У нас дом, у нас дочь, у нас нормальная, крепкая семья...

И в этот момент я вдруг отчётливо поняла: он не меня пытается удержать. Он удерживает всё остальное. То, что он считает своим «якорем», «основой», «правильной жизнью». И я в эту жизнь вписана как элемент интерьера.

Ему важна красивая картинка, где он — успешной муж успешной женщины, где дома всегда идеальный порядок, где дочь отлично учится, где всё — безупречно настолько, что вызывает безудержную зависть друзей и коллег.

Он не хочет разводиться не потому, что боится меня потерять. А потому, что боится потерять жизнь, которую ему удобно жить рядом со мной. И от осознания этого простого фактора мне стало почему-то ещё больней.

Глава 12

И чем глубже я погружалась в эту горькую истину, тем сильнее во мне нарастала оглушающая ярость, готовая сорваться на истерику. И это было так непохоже на меня...

— Конечно, ты не хочешь развод, ведь тебе так удобно, — произнесла я наконец и обвела рукой всё, что нас окружало: квартиру с безупречным ремонтом, которым я руководила, идеальный порядок, который я всегда поддерживала. — Тебе удобно. А я что? Функция? Интерьер?

Алексей нахмурился.

— Ты несёшь бред.

— Бред? — я шагнула к нему ближе, так что он вынужден был отступить на полшага. — Бред — это оправдывать свою измену тем, что тебе захотелось «горяченького». На выпускном! Не нашёл более подходящего места? Ты вообще понимаешь, как ты меня опозорил? Как ты опозорил Милену?

Он начал метаться по комнате, взмахивая руками.

— Да, потому что я, чёрт побери, мужчина! Иногда хочется грязи. Иногда хочется риска. Иногда хочется ощущения, что тебя могут в любой момент застать...

— Застать? — я рассмеялась. — Ну что ж. Тебя застали. Поздравляю, ты получил свой «риск». А что, если бы это была не я, а, к примеру, Милена? Об этом ты не подумал?! Ну, конечно, ты в тот момент, наверное, не думал вообще. Вер-

нее, думал, только не тем местом!

Алексей зло скривился.

— Ты понятия не имеешь о том, что бывает так, что страсть мгновенно накрывает... И становится неважно когда и где...

— А ты понятия не имеешь о том, что я пережила, когда увидела вас. После этого... Любые твои слова больше не имеют смысла! Ты всё перечеркнул!

Воспоминание об увиденном резануло меня так остро, что я еле удержалась на ногах. Ком подкатил к горлу.

— Я, — произнёс муж тише, но с упрямой злостью, — не собираюсь разрушать нашу семью. И точка.

— А я не собираюсь жить с человеком, который чувствует себя мужчиной только в туалетах забегаловок и подворотнях, — сказала я ровно. — Который ищет в любви грязь!

— Может, если бы ты хоть иногда...

— Ах, так? — я сорвалась полностью. — То есть проблема не в том, что ты изменил, а в том, что я *слишком... недостаточно... какая-то?*

И тут вся моя выдержка полетела ко всем чертям. Я взяла со стола первую попавшуюся под руку вещь — чашку, пустую, тяжёлую. Бросила и попала в стену рядом с ним — чашка разлетелась, осколки рассыпались по полу. Алексей отшатнулся.

Я схватила что-то еще со стола — и метнула ему под ноги. Когда на столе не осталось ничего, я шагнула к дивану.

Подушка, а затем толстая книга полетела в него.

— Ты — просто животное! — крикнула я, хватая с комода украшенную коробку и швыряя в мужа. Коробка стукнула его в плечо и упала на пол, рассыпав мелочь.

— Вот, — воскликнула я, захлёбываясь, — теперь я для тебя достаточно страстная?! Достаточно необузданная?! Достаточно... *грязная*, чтобы ты почувствовал себя мужиком?!

Он шагнул ко мне, лицо его перекосилось от злости:

— Да что с тобой...

Но договорить он не успел.

Потому что в секундной паузе вдруг раздался тихий голос:

— Мам... Пап... Вы чего?

Я обернулась. На пороге стояла Милена и смотрела на нас обоих широко распахнутыми глазами. Она вошла в дом сияющая, наполненная светом после веселой ночи... и мгновенно погасла, как свеча под порывом ветра.

— Дверь... вы её даже не закрыли, — сказала она странным, непривычно тихим голосом. — Что происходит?..

Милена посмотрела на меня, потом на своего отца, потом перевела взгляд на раскинутые по полу вещи и осколки, и выдохнула:

— Вы ругаетесь... из-за меня?

За всё то время, что мы с её отцом были в браке, Милена ни разу не становилась свидетельницей семейного скандала. Поэтому сейчас она была, очевидно, в шоке.

Я хотела броситься к ней, чтобы обнять её, чтобы защи-

тить от увиденного, но я сама была слишком взвинчена. Меня хватило только на то, чтобы соорудить спокойное лицо. А вот голос у меня прозвучал сипло, будто чужой:

— Зайка... нет. Это не из-за тебя всё.

Но Милена не смотрела на меня — она смотрела на отца. На его перекошенное от злости лицо, на кулаки, сжатые так, словно он вот-вот собирался броситься в бой.

Под её взглядом Алексей тоже опомнился. Он попытался выпрямиться, убрать с лица это звериное выражение. Но от него всё ещё тянуло жесткостью, гневом.

— Из-за тебя? — переспросил он удивлённо. — Нет, дорогая. Это между нами. Это... Это мы, а не ты. Мы с твоей мамой просто... немного вспылили.

— Ты тут вообще ни при чём, — подтвердила я слова мужа. — Это наши взрослые проблемы, которые ты не должна была видеть...

— Ну хорошо, — Милена, всё ещё не веря, внимательно оглядывала нас исподлюбья. — А я-то подумала, что вы оба так взбесились из-за того, что я подала документы в другой универ...

И вдруг Алексей, услышав это, резко вскинул голову:

— Подожди... Что ты только что сказала?

Он шагнул к ней, и его голос мгновенно сорвался на жесткий, режущий тон:

— Ты подала документы в другой университет? Какой это «другой»? Мы же всё уже решили! И тут ты... Не посове-

товавшись?! — он почти выплёвывал слова, разъяряясь всё больше и больше. — Что это за самодеятельность? Я что — зря бился, договаривался, тянул связи, искал кураторов? Ты хоть представляешь...

— Алексей, хватит! — я встала между ними.

Но он тут же схватил меня за руку и дернул на себя:

— Ты знала? — его голос стал низким, опасным. — Ты всё знала и скрывала от меня?! Когда именно ты собиралась мне сообщить, что наша дочь вместо нормального университета выбирает какую-то...

— Я узнала вчера вечером, — ответила я, вырывая руку. — И хотела сразу тебе сказать, но...

И Алексей, мгновенно догадавшись на что я намекаю, сжал зубы и процедил:

— Но мы сейчас будем говорить о том, что она сотворила. Она сломала весь наш план! — сорвался он на Милену. — Весь! Годы подготовки, связи, договорённости — всё коту под хвост?!

Я повернулась к Милене и постаралась говорить максимально спокойно:

— Дочь, мы оба удивлены твоим выбором... Очень. Я даже сказала бы, что мы оба шокированы. Нам бы очень хотелось понять тебя, узнать почему ты сделала такой выбор... — я вдохнула, — но не сейчас. Не в такой момент. И не под крики. Но мы обязательно это обсудим, когда все немного успокоимся. Это очень важно! Это — твоё будущее! Его

нельзя перекраивать под настроение после выпускного!

— Это не «после выпускного»! — вспыхнула она. — Я уже решила давно! Просто боялась вам сказать. И, как оказалось, не зря боялась! Вы просто с катушек слетели оба!

Она развернулась и убежала в свою комнату. Я услышала, как она грохотнула щеколдой — отчаянно, по-подростковому обиженно.

После того, как она ушла, в гостиной воцарилась пугающая тишина.

А Алексей вдруг усмехнулся.

— Ну вот, — сказал он. — Видишь? Сейчас точно не время для развода.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас познакомиться с другими историями цикла

"Развод на удачу"!

[https://litnet.com/ru/zlata-zorich-u12208106/novels?](https://litnet.com/ru/zlata-zorich-u12208106/novels?sort=cycles&scroll-to=)

sort=cycles&scroll-to=

%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%BE

%D0%B4+ %D0%BD%D0%B0+

%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%87%D1%83+ %28+

%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8

+ %D0%BA%D0%B0%D0%BA+ %D0%BE

%D1%82%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C

%D0%BD%D1%8B%D0%B5+

%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE

%D1%80%D0%B8%D0%B8%29

8 книг — читаются как отдельные истории о сильных женщинах, которые находят свое счастье после предательства. Если вам по душе мой стиль, вы оцените и другие книги цикла!

Все книги можно читать как отдельные романы, не связанные между собой.

Горячие новинки в процессе:

Разведёнка для босса-бандита <https://litnet.com/shrt/hAUC>

Полностью завершённые романы:

Измена... С чистого холста! <https://litnet.com/shrt/Wf83>

Измена. Месть домохозяйки и авторитета <https://litnet.com/shrt/k9To> Измена. Отомстить нельзя помиловать <https://litnet.com/shrt/4wn>- Измена. Решил избавиться от меня, предатель? https://litnet.com/shrt/_2zY Развод в 45. Счастье после тебя <https://litnet.com/shrt/jFTS> Развод в 50. (He) останусь одна на Новогодние! <https://litnet.com/shrt/n2V7> Развод с горцем (HE)возможен! Мне придётся бежать... <https://litnet.com/shrt/aWuI>

Добавьте книги в библиотеку, чтобы не потерять!

Глава 13

Я не ответила ему ни слова. Не потому, что мне нечего было сказать — наоборот, слишком многое стояло в горле, горькое, режущее. Просто в какой-то момент я поняла: любое слово, произнесённое сейчас, будет потрачено зря.

Мы уже всё друг другу сказали. Всё между нами уже кончено.

Алексей ещё что-то говорил — про то, что я веду себя слишком эмоционально, что нужно сохранять голову холодной, что «не время», что «надо подумать о дочери», что «мы просто оба устали»... Но его голос отлетал от меня, как от стеклянной поверхности.

Я посмотрела ему прямо в глаза — ровно, спокойно, почти без эмоций. И это спокойствие, кажется, вывело его из себя куда больше, чем вся моя предшествующая истерика.

Он замолчал первым — будто столкнулся с ледяной стеной, которую сам же построил.

Я отвернувшись, молча прошла к нашей бывшей спальне и закрыла за собой дверь. Замок щёлкнул в оглушительной тишине, ясно давая понять, что сюда ему путь закрыт.

Я прошла к кровати и села на край — на ту сторону, что всегда была моей. И впервые за много лет почувствовала, что мне здесь тесно. Что этот дом — не мой дом. Что муж — не муж. Что жизнь... не моя.

Но слёзы не шли — странно. Казалось, что всё внутри застыло, превратилось в лёд.

За дверью вдруг раздался осторожный стук.

— Юля... Открой. Нам нужно поговорить.

Я закрыла глаза. Нет. Больше никаких разговоров, где он всё перевернёт. Где он будет объяснять, почему наша семья должна продолжать существовать ради его комфорта.

Я даже не подошла к двери.

— Я сплю, — бросила я равнодушно. — Потом поговорим.

Алексей продолжал осторожно скрестись, а я почувствовала, как в висках стучит что-то необузданное, злое. Но злость — как волна, она быстро откатывается, оставляя после себя влажный песок усталости.

Я прошла к зеркалу и расстегнула молнию на платье. Ткань с тихим шорохом сползла вниз.

И вдруг — я почувствовала аромат. Тонкий, пряный, тёплый. Аромат парфюма моего нечаянного ночного спасителя.

Он будто стоял рядом — воздухом, оставшимся на моей коже. Я провела рукой по плечу — медленно, нежно — и почувствовала, как тот самый запах еле слышно поднимается, будто оживает от движения.

Я вдохнула его в последний раз, потом сняла бельё и прошла в ванную. Шагнула под поток, и горячая вода накрыла меня с головой. С головы, с плеч, с груди стекало напряжение, злость, обрывки тяжелого дня и трудной ночи.

И медленно — очень медленно — уходил аромат Максима.

Он растворялся в воде, в пару, в шуме капель, но отчего-то от этого становилось только горче. Как будто я стираю то единственное, что придавало мне сил.

Мне снилось что-то странное. Сначала была привычная темнота под закрытыми веками. Потом — лёгкое движение, будто кто-то осторожно коснулся моей ладони. Я не вздрогнула, не отдёрнулась. Во сне я была такой тёплой, спокойной, живой. Не загнанной, не напряжённо-правильной, не ледяной, как меня назвал собственный муж.

Эта рука... Она легла в мою ладонь так естественно, будто всегда была там. Тёплая, уверенная, обхватывающая меня мягко, но крепко. Я чувствовала это тепло, оно доходило до самого сердца и заставляло его биться быстрее.

И когда я проснулась — это тепло ещё оставалось в моей ладони.

Потом реальность вернулась сердито и зло. словно кто-то выдернул меня из воды и бросил на холодный камень.

Я открыла глаза — и сразу поняла, что сон был милосердием. А моя реальность — печальна. Всё, что произошло — не игра воображения. Я действительно видела то, что видела. И сказала то, что сказала.

Мой брак — действительно рухнул.

Я вышла на кухню, укутанная в халат, поставила турку на

плиту, засыпала кофе, и молча наблюдала, как вода темнеет и начинает подниматься мягкой пеной.

Из гостиной послышалось сонное ворчание, потом шаги. Алексей появился в дверном проёме, помятый, небритый, с таким видом, будто ночь для него была мукой.

Он потёр поясницу и раздражённо буркнул:

— Спина отваливается... Чёртов диван. Ну что, где мой кофе?

В моей руке была горячая турка, аромат поднимался вверх густым, горьковатым паром — но внутри меня не было ни капли тепла для супруга.

— Твой кофе? — переспросила я удивлённо. — Алексей, я тебе не то что кофе... я тебе и стакана воды не налью.

— Всё ещё злишься? — он попытался улыбнуться.

— Я не буду больше о тебе заботиться, — сказала я холодно. — Ни по мелочи, ни по-крупному. Ни утром, ни вечером. Ни когда у тебя болит спина, ни когда у тебя очередной «кризис». Всё. Хватит. Хочешь кофе — вари его сам. Или залей кипятком растворимый.

Я поставила свою чашку на стол, даже не глядя на него, и сказала ровно, почти устало — так говорят, когда решение уже принято, и никакие эмоции его не изменят:

— И да, кстати... Пока я освободила спальню, ты можешь как раз собрать свои вещи.

Алексей аж подпрыгнул от возмущения.

— Ты с ума сошла? Почему я должен собирать вещи?

— Потому что ты должен съехать. Можешь начинать собираться прямо сейчас.

— Ты охренела? — прошипел он, подходя ближе, так, будто хотел нависнуть, подавить, загнать обратно в привычную тень. — Ты решила меня вышвырнуть?

— Я решила перестать жить в одном доме с человеком, которого больше не уважаю. Я не собираюсь больше ночевать с тобой под одной крышей. Так что да — собирай вещи.

— Да что это такое?! — он уже почти кричал. — Я что, мешок мусора, чтобы меня выкинули на улицу по твоему настроению?!

— Ты — взрослый мужик, — сказала я ледяным тоном. — Легко найдешь куда пойти. Можешь, кстати, заглянуть в гости к...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.